

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.В. ТОЛСТОКОРОВА

УКРАИНСКАЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ СЕМЬЯ КАК МОДЕРНИЗИРОВАННАЯ МОДЕЛЬ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ПАНАЦЕЯ, ЯД ИЛИ ПЛАЦЕБО?

Основная цель работы — выявление влияния трудовой миграции на успешность исполнения украинской транснациональной семьей (ТС) ее основных функций. Проведенное исследование свидетельствует о том, что выполнение основных функций ТС осложняется в условиях географической дисперсии ее членов. Автор приходит к выводу, что трудовую миграцию нельзя рассматривать в качестве панацеи для выживания семьи в условиях социально-экономического кризиса, поскольку она лишь облегчает симптомы болезни, но не излечивает отсылающее общество от тех социально-экономических недугов, которые выталкивают людей из семьи на поиски лучшей жизни.

Ключевые слова: украинская транснациональная семья, функции семьи, модернизированная модель семейных отношений.

Введение в проблематику и методологию исследования

Современное состояние мира определяется ведущими социологами как «текущая модерность» [39] и «не знающий преград обмен телами, вещами, символами и упованиями» [68]. В условиях государственного социализма страны бывшего СССР находились в стороне от этих процессов, но уже вскоре после его распада оказались активно вовлеченными в них. Сначала внутренние, а затем и внешние трудовые миграции стали важными факторами социально-экономической

Толстокорова Алиса Валерьевна — кандидат филологических наук, доцент, научный эксперт Международной организации «Школа равных возможностей». Адрес: До востребования-67, Киев, Украина, 03067.
Электронная почта: alicetol@yahoo.com

трансформации и эффективным средством регулирования потоков трудовой силы.

В Украине¹ за годы рыночных реформ внешняя трудовая миграция приобрела массовый характер «заробитчанства» — явления, имеющего не только практическое значение (как действие, добровольная миграция трудовых ресурсов), но и идеологический контекст (как образ мысли и групповая экзистенциальная культура) [11]. Это широкомасштабный процесс, охватывающий от 10% до 20% населения трудоспособного возраста, а вместе с членами семей мигрантов — более 1/3 общего населения страны [21]. Причем новые формы транснациональной мобильности, возникшие в Украине после распада социалистической системы, не являются гендерно нейтральными [44; 49; 65]. Согласно данным парламентских слушаний по вопросам равных возможностей в Украине, за рубежом трудятся до 7 млн украинцев, из которых женщины составляют 5 млн [22]. Однако эксперты считают эти данные завышенными, оценивая общие потоки украинской миграции в 2–2,5 млн, а долю женщин в них — от 35% до 50% [19]. В некоторых странах ЕС доля женщин среди заробитчан больше. Например, они составляют до 55% всех украинцев, работающих в Испании [34], в Греции — 75,5% [51], в Италии — около 83,6% [19]. В то же время в некоторые другие страны мигрируют преимущественно украинцы-мужчины. Так, в Российской Федерации больше половины (61,0%) молодых мигрантов из Украины — это мужчины, в то время как женщин — лишь 39% [16]. В Португалии украинцев-мужчин в пять раз больше, чем женщин [69]. Кроме того, миграция усугубила традиционное распределение гендерных ролей на рынке труда: украинские мужчины, как правило, работают строителями, водителями, механиками и слесарями, тогда как женщины чаще всего находят работу уборщиц, домработниц, сиделок для людей преклонного возраста и детей, фабричных рабочих, посудомоек, танцовщиц в барах, кафе и ресторанах [19; 31].

Отмеченная гендерная сегрегация состава внешних миграционных потоков представляет собой угрозу как для когерентности демографической структуры общества в целом, так и для семьи как его основной демографической единицы. Во-первых, отток женщин и мужчин репродуктивного возраста ведет к снижению демографического потенциала общества. Во-вторых, наблюдается снижение фертильности в семьях мигрантов [10] в результате транснационального стиля их жизни. В-третьих, увеличение гендерного дисбаланса на региональных брачных рынках [28, с. 22–24] ведет к снижению уровня

¹ Здесь и далее сохранен вариант употребления предлога, нормативный для украинского языка. — *Прим. ред.*

брачности и, соответственно, рождаемости. Таким образом, международная миграция бросает вызов демографической безопасности современной украинской семьи и общества. Кроме того, усиление мобильности населения и необходимость жить в частых разлуках приводят к росту отчуждения между членами украинской семьи, страдающей от синдрома «утраченного дома» и разрушения концепции «родного дома». В этих условиях семья приобретает ценность «основного социального пространства, в котором индивид ценится как таковой» [71, с. 31].

Семья является основным социальным институтом, на котором, согласно исследованиям, вызовы глобализации сказываются в первую очередь [40]. Эффект этих вызовов весьма противоречив. Его позитивный аспект может проявляться, к примеру, в виде демократизации и эгалитаризации семейных отношений [46], приобретающих в позднемодерную эпоху характер «чистых отношений», то есть отношений, основывающихся не на социальных или экономических потребностях, а на интимности [47]. В этом смысле данные отношения являются признаком интересной рефлексивности, свойственной поздней модерности. В то же время они проявляются и в таких неоднозначных феноменах, как сокращение количества детей в семье, более поздний возраст рождения первенца, конвенционализация гражданских браков и внебрачного родительства и т. д. Кроме того, за годы экономических реформ в Украине сформировались новые конфигурации семейных отношений, в частности, трансграничные, составляющие основу социального пространства транснациональных семей (ТС).

Эта категория семей привлекла внимание миграциологов в начале 1990-х годов, когда стало ясно, что семейные обстоятельства (чаще всего финансовая нужда) играют решающую роль в принятии людьми миграционных решений и в определении миграционных стратегий. Семья была определена как основная транснациональная единица [50], представляющая собой модернизированную модель семейных отношений, характеризующихся географической дисперсией по причине миграции одного или более ее членов [52]. Несмотря на физическое отсутствие в семье, они поддерживают трансграничные отношения с родными, оставшимися дома, участвуют в ведении общего домохозяйства и сохраняют определенную «семейственность» (familyhood) [42]. Семейные связи, продолжая существовать в этих условиях, подвергаются значительным трансформациям в силу больших географических расстояний, превращая ТС в социальные единицы с «вариабельной геометрией» [66]. Следовательно, их следует рассматривать через призму «мигрантскости» [1] как образа жизни, оказывающего влияние на основные сферы жизнедеятельности семьи, в первую очередь на эффективность исполнения ею основных социально-

экономических функций как «способов проявления активности семьи и жизнедеятельности ее членов» [17, с. 42].

В Украине влияние миграционности и транснационализма на функционирование украинской семьи еще не привлекло внимание академического сообщества. Это предопределяет научную новизну данной работы, основная цель которой состоит в выявлении влияния трудовой миграции на успешность исполнения ТС ее основных функций и определении модернизационного эффекта этого влияния. С этой точки зрения ТС рассматривается в качестве универсальной социальной группы, исполняющей в обществе уникальные роли репродукции, социализации и потребления и несущей ответственность за обеспечение своим членам эмоциональных связей, которых им недостает в публичной жизни и без которых они испытывают отчуждение [55].

В теории семейных исследований существует множество классификаций функций семьи, основывающихся на различных принципах. Среди наиболее общепризнанных можно выделить следующие функции [2; 4; 5; 7; 17; 37]:

- *прокреативно-репродуктивная* функция заключается в воспроизводстве жизни, то есть в удовлетворении потребности иметь детей и продолжении человеческого рода;

- *воспитательная*, или *социализационная* функция включает такие аспекты: формирование личности ребенка, развитие его способностей и интересов, передача взрослыми членами семьи накопленного обществом социального опыта своим детям; систематическое воспитательное воздействие семейного коллектива на каждого своего члена в течение всей его жизни; влияние детей на родителей и других взрослых членов семьи, побуждающее их активно заниматься самовоспитанием;

- *экономически-бытовая (хозяйственная)*, или *экзистенциальная* функция предполагает экономическую поддержку несовершеннолетних и нетрудоспособных членов общества, ведение домашнего бюджета, поддержание физического здоровья членов семьи, уход за детьми и престарелыми. Эта функция охватывает также ведение домашнего хозяйства, менеджмент семейного быта и т. д.;

- *функция первичного социального контроля* направлена на моральную регламентацию поведения членов семьи в различных сферах жизнедеятельности и контроль над обязательствами в отношениях между супругами, родителями и детьми со стороны представителей старшего и среднего поколений;

- *духовно-эмоциональная*, или *восстановительная (рекреационная)* функция семьи состоит в поддержании здоровья, жизненного тонуса, организации досуга и отдыха ее членов;

- *функция безопасности* подразумевает охрану биологического и социального благополучия членов семьи, защиту от физических и психологических опасностей, исходящих от окружающего мира. В ней выражается заинтересованность людей в долговременном выживании, стабильности и уверенности в будущем;

- *гедонистически-фелицитологическая функция* воплощает в себе мечты и надежды каждого человека на обретение семейного счастья, Она предполагает формирование общности взглядов и взаимопонимания в семейном коллективе, удовлетворение потребности в физическом и психическом комфорте, обеспечение материального достатка и приемлемого социального статуса и проч.; наличие успехов и достижений у детей и т. д.

Все эти функции тесно взаимосвязаны и во многом пересекаются между собой. Объем данной работы не позволяет охватить их все подробно, поэтому некоторые будут рассматриваться недифференцированно, так как они относятся к одному и тому же аспекту семейной жизни.

Выводы работы основаны на результатах анализа вторичных теоретических источников по теории ТС и трудовой миграции. Они подкрепляются данными комплексного лонгитюдного проекта по гендерным аспектам украинской миграции и транснационализма, проводившегося автором на протяжении 2003–2013 годов и представленного в ряде публикаций, ссылки на которые приведены в данной статье. Полевое исследование для проекта включало: глубинные интервью и дискуссию в фокус-группе с 25 украинскими экспертами по вопросам миграции, социальной политики и гендерных исследований; полужформализованные интервью и обсуждения в фокус-группах с мигрантами и членами их семей (31 женщина и 12 мужчин разных возрастных групп); включенное и невключенное наблюдение на основе неформального общения с соотечественниками, работающими за рубежом и вернувшимися в Украину, и участия автора в деятельности их объединений и общественных организаций².

Прокреативно-репродуктивная функция

Исследования показывают, что трудовая миграция из Украины создает неблагоприятные условия для прокреации, поскольку вызывает снижение уровня фертильности. Это утверждение основывается

² Статья не преследует цели проанализировать результаты полевого исследования для данного проекта. Они используются лишь для того, чтобы проиллюстрировать выводы, полученные при анализе обработанных теоретических источников. Более подробно о методологии полевого исследования, его основных этапах и результатах см.: [29; 30; 60; 61; 63; 64; 65].

на расчетах количества «нерожденных детей» в семьях долгосрочных мигрантов, проживающих отдельно от семьи более одного года. Расчеты свидетельствуют, что если бы эти люди работали в местах своего постоянного проживания в Украине и имели уровень фертильности, соответствующий среднему в их возрастной группе, то только в 2000 г. Украина могла бы иметь на 4402 новорожденных больше, чем было реально зарегистрировано [10, с. 18]. Эти данные подтверждаются результатами проекта Евросоюза, изучавшего влияние возрастающей трудовой мобильности на семейную жизнь европейцев. Исследование показало, что мобильность может снижать уровень фертильности и препятствует успешному исполнению родительских функций и развитию семьи (особенно это касается женщин) [54, р. 2].

Материалы полевого исследования для данного проекта подтвердили тезис о «нерожденных детях» в семьях долгосрочных мигрантов даже на постмиграционном этапе жизненного цикла. Так, одна информантка проекта поделилась опытом супружеских отношений в ТС, свидетельствующем о том, что появление детей у супругов, долгое время проживавших раздельно, является маловероятным, даже если после возвращения домой они проживают совместно:

Все время, пока я там <за границей> работала, ужасно скучала по семье, по детям, по мужу. Не могла дождаться, когда смогу снова их увидеть. Но когда наконец-то вернулась домой, вскоре почувствовала, что вот... что-то изменилось. Понимаете, уже не было той близости, как раньше. Мы стали друг другу чужими. Представляете, сидим с мужем вечером дома, смотрим телевизор. Он — на одной половине дивана, я — на другой, и ни один гормончик ни одного из нас не тревожит! Как будто мы чужие. Да, хорошо, что у нас к тому времени уже были дети, иначе остались бы бездетными [65].

В то же время высказывается предположение, что более низкая фертильность транснациональных семейных пар может быть вызвана т. н. «отложенным деторождением», то есть более поздним появлением первого ребенка. Однако если связывать низкую фертильность с этим фактором, то значимо уже то, что он в большей степени свойственен именно семьям мигрантов. Более частое откладывание рождения первенца транснациональными парами в сравнении с их ровесниками-немигрантами свидетельствует о том, что ТС не очень хорошо выполняет свою репродуктивную функцию. Во-первых, нет гарантии, что родители, откладывающие рождение первого ребенка, будут в состоянии обзавестись им в более зрелом возрасте. Это относится в первую очередь к женщинам, чей репродуктивный цикл короче, чем у мужчин, особенно учитывая неблагоприятные последствия миграции для их здоровья (подробнее см.: [30]). Во-вторых, поскольку уровень

разводов в ТС превышает средний по стране³, нет гарантии, что супружеский союз мигрантов не распадется к тому времени, на которое было запланировано отложенное рождение первенца. В-третьих, даже если откладывающие деторождение мигранты сумеют сохранить семейный союз, они вряд ли смогут иметь столько же детей, сколько их ровесники немигранты того же социального уровня, поскольку к тому времени, когда первые решат обзавестись первенцем, вторые уже могут иметь двух или более детей.

В-четвертых, чем дольше мигранты остаются в принимающей стране, тем меньше шансов, что они когда-нибудь вернуться в Украину [21, с. 21]. Поэтому для транснациональных семей, в которых один из супругов работает за рубежом, а другой живет в Украине, отложенное деторождение нередко приводит к бездетности. Надежды на то, что пара сможет обзавестись потомством в более зрелом возрасте, воссоединившись в принимающей стране, часто оказываются тщетными из-за правовой неурегулированности данного вопроса. В редких случаях, когда воссоединение все же происходит, чаще это касается матерей с детьми, чем супругов. В-пятых, в супружеских парах, совместно проживающих в принимающей стране, успешное отложенное деторождение более вероятно, однако здесь также есть проблемы относительно выполнения семьей своей репродуктивной функции. Следует иметь в виду, что большинство украинских заробитчан (95%) проживают за рубежом нелегально [45] и не имеют официального доступа к системе здравоохранения. В этих условиях беременность, роды и уход за младенцем представляют серьезную проблему. У пар, имеющих разрешение на проживание в принимающей стране, ребенок с большей вероятностью родится за рубежом, а не в Украине. Но такие пары, как правило, относятся к наиболее

³ Согласно данным статистики, если в целом по Украине (сравнительно с 1995 г., который можно считать годом развертывания массовой трудовой миграции) в 2007 г. количество разводов оставалось практически неизменным и составляло 3,8% на тысячу населения, то в охваченных массовой миграцией регионах наблюдалось его существенное возрастание. Коэффициент разводов возрос в Ивано-Франковской области с 2,5% до 3%, в Черновицкой — с 3,3% до 3,8%, в Тернопольской — с 2,1% до 3,1%. Особенно красноречиво выглядит динамика разводов среди сельского населения, массово вовлеченного в трудовую миграцию. Хотя их уровень остается более низким, чем у горожан, тем не менее он быстро возрастает: 1,9% на тысячу населения в 1995 г., 2,7% — в 2007 г. Статистические данные, однако, не полностью отражают остроту проблемы, поскольку много фактически разведенных мигрантов разрыв семейных отношений юридически не оформляют по причине отсутствия одного из супругов в Украине [31, с. 14–15].

молодой, успешной и интегрированной категории мигрантов. Имея ребенка, родившегося в принимающей стране (что может давать ему право на гражданство), они являются наименее вероятными кандидатами на возвращение в Украину. Таким образом, даже если отложенное деторождение за рубежом происходит успешно, оно все равно не приводит к росту количества детей в Украине, поскольку новорожденные остаются жить в принимающей стране. Так, согласно данным Украинской дипломатической миссии в Италии, только за 2006 г. в этой стране более 1700 новорожденных были зарегистрированы как граждане Украины, проживающие в Италии [13]. В 2010 г. каждый десятый новорожденный (442 человека) в португальской провинции Альгарве происходил из семьи украинских мигрантов, что расценивалось прессой как вклад в демографическую структуру принимающего общества [67].

Итак, приведенные данные дают основание заключить, что исполнение репродуктивной функции ТС является проблематичным. Это вызвано неупорядоченностью транснационального образа жизни, представляющего серьезный вызов рождению и воспитанию потомства в таких семьях. Поэтому в метафорическом смысле миграцию можно расценить как «социальное противозачаточное средство», препятствующее появлению на свет новых украинских граждан в ТС.

Хозяйственно-экономическая функция

Опросы как мигрантов [31], так и экспертов [61] показывают, что основные побудительные мотивы заробитчанства — необходимость обеспечения расходов семьи: повседневные нужды, приобретение и ремонт жилья, высшее образование детей. Именно на эти статьи преимущественно расходуются денежные переводы мигрантов, позволяя укрепить бюджет ТС и повысить уровень ее благосостояния [35, с. 53–54]. Следовательно, зарубежное трудоустройство диктуется прежде всего стремлением взрослых членов семьи обеспечить успешное выполнение ею хозяйственно-экономической и воспитательной функций.

По данным Госкомстата Украины, основная доля денежных переводов мигрантов из-за рубежа (72%) инвестируется в приобретение товаров повседневного потребления. Вторая по значимости статья расходов — бытовые товары длительного пользования (39,3%). На третьем месте — приобретение и ремонт жилья (29,1%). 12,4% средств расходуются на оплату учебы [57]. Весьма незначительная доля зарубежных заработков вкладывается в малый семейный бизнес, преимущественно из-за отсутствия в Украине соответствующих условий для данного вида деятельности. Только десятая часть мигрантов, опрошенных в 2011–2012 годах, подтверждают мнение, что большинству «возвращенцев» удастся открыть собственное дело [11].

Статистические данные демонстрируют, что уровень потребления в ТС более высок, чем в семьях того же социального и образовательного статуса, работающих в Украине. Если в 2003 г. в Украине было 13 видеомаягнитофонов на 100 семей, то в ТС их было 55, микроволновых печей — 2 против 25 соответственно, персональных компьютеров — 2 против 24, автомобилей — 16 против 36, причем более 60% этих товаров были приобретены благодаря зарубежным заработкам [21, с. 19]. Согласно данным общенационального социологического опроса, члены ТС в 2,3 раза чаще носят модную одежду, в 2,5 раза чаще владеют компьютером, в 1,8 — стерео- и видеоаппаратурой, намного реже испытывают недостаток основных потребительских товаров [23, с. 112]. 78,8% обследованных семей считают свои жилищные условия хорошими или нормальными, причем 60% опрошенных отметили, что именно зарубежные заработки позволили им улучшить жилищные условия [21, с. 19]. Однако объективно более высокий уровень потребления ТС не всегда соответствует субъективной оценке экономического статуса своих домохозяйств членами семей.

Так, среди участников исследования, изучавшего самооценку уровня благосостояния ТС, 41,1% отметили, что трудовая миграция позволила им существенно повысить уровень благосостояния, 43,1% признали, что оно улучшилось незначительно, в то время как 8,8% указали, что в их семье какого-либо улучшения экономической ситуации не произошло, и 7% затруднились с ответом [21, с. 19]. При том, что в среднем трудовые мигранты зарабатывают втрое больше штатных работников, занятых в экономике Украины, лишь 1,4% ТС оценивают свой материальный уровень как высокий, 44,3% — как средний, 41,1% — ниже среднего и 13,3% считают себя бедными и очень бедными (в домохозяйствах без мигрантов — соответственно 1,0%; 45,6%; 41,1% и 12,3%) [20, с. 188–194]. Это говорит о том, что наличие заробитчан в семье практически не влияет на оценку ею уровня своего благосостояния [35, с. 54].

Распространена точка зрения, что повышение финансово-материального благосостояния ТС благодаря трудовой миграции ее членов свидетельствует об успешном выполнении ею своей экономической функции. На наш взгляд, такая оценка является упрощенной: она ограничивает данную функцию материальным обеспечением членов ТС, при том что успешность ее реализации зависит от таких аспектов жизни семьи, как совместный менеджмент, планирование бюджета и организация расходов, гендерное распределение домашнего труда, поддержание физического здоровья членов семьи, уход за детьми и престарелыми. Эти аспекты хозяйственно-экономической функции вряд ли могут успешно выполняться в условиях долгосрочного отсутствия одного или более взрослых членов ТС. Это особенно

проблематично в тех семьях, где оба родителя работают за границей, оставляя дома малолетних детей под присмотром бабушек и дедушек или старших детей. Самостоятельное ведение домашнего хозяйства может представлять сложности для отцов, остающихся дома с детьми, когда их жены уезжают на заработки. Иными словами, обратной стороной финансового благополучия ТС, обеспечиваемого благодаря зарубежным заработкам, может быть ослабление ее организационно-хозяйственной функции.

Следовательно, считать выполнение этой функции успешным лишь на основании более высокого уровня доходов в ТС было бы неоправданным упрощением. К тому же нужно учесть, что тяжкий труд на чужбине может стоить мигрантам здоровья, а то и жизни, и заработанные деньги могут потребоваться не для обеспечения благосостояния семьи, а для лечения приобретенных недугов или в экстренных ситуациях. Об этом свидетельствует опыт заробитчанки в Италии, о котором рассказала эксперт женской организации:

У меня была <...> клиентка, которая вернулась из Италии несколько лет тому назад, потому что она попала в авткатастрофу, а у нее не было медицинской страховки. Она вынуждена была потратить все заработанные деньги на операции. Поскольку после этого она уже была не в состоянии работать, она была вынуждена вернуться в Украину [60, с. 51].

О том, что деньги, с таким трудом заработанные за рубежом, могут решить материальные проблемы, но часто приводят к разрушению единства семьи, ее синергии, свидетельствует следующее интервью сиделки в Германии:

Люди, кто едут на заработки, неплохо там зарабатывают и присылают сюда хорошие деньги. Этого им хватает, чтобы построить здесь себе шикарные дома, особняки. Некоторые прямо такие дворцы себе строят! Но когда они домой возвращаются, то оказывается, что жить в них уже не с кем. Потому что пока они там работали, мужья поуходили, дети выросли, а то и поспивались, наркоту принимают, а кто и в тюрьму попал, всякое бывает. Родители поумирали. Таких историй вообще-то полно, особенно в Западной Украине [60].

Как видим, работая за рубежом, чтобы обеспечить благополучие своей семьи, мигранты могут лишиться и ее самой, и своих близких. Таким образом, хотя с хозяйственно-экономической точки зрения миграция и транснационализм безусловно являются для многих ТС действенным целебным средством, позволяющим преодолеть бедность и нужду, для других семейных союзов они служат скорее «экономическим болеутоляющим», на время успокаивающим боль, и «седативным средством», снимающим стресс экономического кризиса, — но лишь на время, порой ценой разрушения семейного организма.

Функция воспитания, социализации и первичного контроля

Общепризнано, что семья является основным институтом в воспитании и социализации детей. Однако за годы рыночных трансформаций выполнение ею этой функция существенно ослабло [4]. Свидетельство тому — рост в Украине детской преступности, беспризорности, возникновение таких патологических явлений, как «социальное сиротство» и «уличные дети» [8; 58]. Исследования показывают, что проявления этих девиаций наиболее характерны для семей мигрантов [6; 14; 18], особенно тех, где на заработки уезжает мать. Большинство женщин-мигранток имеют семью и детей, которых они оставляют в Украине. По данным опроса украинских заробитчанок в Италии, 90,1% респонденток имели детей, из которых лишь 5,5% проживали с матерями за рубежом. Чаще всего уехавшие в Италию мигрантки оставляли дома детей в возрасте 16–22 года и старше (62,2%), но 32,5% — это школьники и 5,3% — дошкольники [24]. Результаты другого опроса показали, что в ТС 44% детей проживают в Украине с матерью, 35% — с бабушкой, 26% — с отцом; 14% — с сестрой; 12% — с братом; 10% — с дедушкой, 5% — с тетей или дядей [25]. В то же время, в семьях одиноких матерей-заробитчанок и в ТС с двумя родителями, работающими за рубежом, 34% детей остаются без присмотра [24]. В стране насчитывается до 200 тысяч несовершеннолетних, у которых один или оба родителя уехали работать за рубеж. В регионах, охваченных миграцией (преимущественно в западных областях), их доля достигает 10–20% [27].

Безусловно, благодаря лучшей финансовой обеспеченности ТС, дети в них обладают большими возможностями, чем дети из других семей: например, могут учиться в частных и специализированных школах, гимназиях и лицеях с инновационными программами обучения; могут иметь больше карманных денег и лучше одеваться, пользоваться дорогими, престижными аксессуарами, иногда даже собственными автомобилями; посещать спортивные и рекреационные центры, дискотеки и т. д. Это обеспечивает им более высокую самооценку и социальный статус, более широкие возможности для социализации.

Однако обратной стороной материального благополучия этих детей зачастую является психологическая и эмоциональная депривация в результате отсутствия одного или обоих родителей. Даже если дети остаются дома под присмотром кого-то из родных или близких, они страдают от отсутствия внимания, поддержки, любви и заботы. Об этом красноречиво свидетельствуют письма детей, представленные на конкурс фонда «Открой Украину» (подробнее см. [9]). В одном из них о своих переживаниях от расставания с мамой рассказал двенадцатилетний Женя:

*Мамо рідненька, живеш ти далеко —
В гарній чужій стороні.
Серце твоє невсипує зі мною,
Мов кетяг калини в снігу.
Хочеться соколом в небо злетіти,
Хоч на годинку побудь при тобі,
Пісню і слово як маку зернинку
Просіяти рясно у серце собі⁴ [9, с. 13].*

Малыши в возрасте 3–5 лет переносят расставание особенно тяжело. Психологи указывают, что у них развивается «комплекс покинутости», хотя за ними ухаживают бабушки [12]. В Западных областях Украины, охваченных массовым заробитчанством, вошло в употребление новое понятие — «итальянские дети», относящееся и к тем, чьи родители работают в других странах [16, с. 132]. Такие дети, лишённые естественного опыта семейной социализации и гендерных ролевых моделей, нередко становятся «социальными сиротами», им трудно овладеть жизненными навыками самоорганизации, личной ответственности, эмоциональной зрелости и т. д.⁵ На это обращают внимание психологи и социальные педагоги:

Дети не понимают, почему мама их оставила. Когда девочка в седьмом классе начинает осознавать, что в этот период ей нужна именно мать, то начинает озлобляться. Она не знает, кому доверить свои девичьи проблемы. И часто классный руководитель видит изменения в ребенке: агрессивность, нежелание учиться. Девочка начинает прогуливать уроки, а поскольку имеет деньги — имеет друзей вне школы и во дворе. И эти друзья не всегда хорошо на нее влияют. <...> За 32 года работы в школе у меня было три выпуска. И если в первом выпуске у меня была одна неполноценная семья, во втором — уже 10, то в третьем выпуске у меня всего 7 (из 30!) учеников из полноценных семей. Дети озлоблены, они не учатся, потому что знают: мама придет из Италии, зачем мне учиться? Это большая проблема [6, с. 9].

Как видим, миграция порождает явление «социального паразитизма» среди молодых людей из ТС, которые не желают обеспечивать себя самостоятельно и представляют собой «подобие рантье»

⁴ *Мамочка, родненькая, живешь ты далеко —
В красивой чужой стороне,
Сердце твоё неусыпно со мной,
Словно гроздь калины в снегу.
Хочется соколом в небо взлететь,
Хоть на минутку побыть при тебе,
Песню и слово, как маковое зернышко,
Щедро посеять в сердце себе.*

⁵ О подобной тенденции свидетельствуют и данные литовских коллег [15].

[3], живущих за счет средств, присылаемых родителями из-за рубежа. Об этом говорили эксперты из женской неправительственной организации:

Одна девочка мне сказала: «Вы знаете, в группе, где я учусь, у половины студентов мамы работают в Италии. Поэтому они учатся, не напрягаясь, потому что мамы присылают им деньги, а они только платят за экзамены». То есть миграция оказывает огромное влияние на детей, особенно на подростков. У них есть деньги, которые им присылают матери, это легкие деньги, и они начинают играть в азартные игры, пить, и им не нужно учиться, потому что они знают: «Мама пришлет деньги, зачем мне учиться?» [60, с. 53].

Как показали результаты полевого исследования [29], дети мигрантов представляют собой группу социального риска и являются объектом интереса со стороны криминальных группировок, использующих этих «социально оголенных детей» [48] в корыстных и неблаговидных целях. К примеру, чтобы выкачивать деньги, присланные родителями, детей и подростков втягивают в азартные игры, распитие крепких напитков, употребление наркотиков, создают зависимость от игровых автоматов, провоцируют на различные рискованные мероприятия, воровство, проституцию, секс-туризм и т. д.

Кроме того, подростки из ТС склонны к мелким преступлениям, совершаемым без причины⁶. Например, совершают кражи в супермаркетах и на рынках, в игровых автоматах (подробнее см.: [64]). Таким образом, как отмечают психологи, они пытаются обратить на себя внимание, которого им не хватает в семье, и выразить недовольство своим положением в ней. Это свидетельствует о том, что опекуны детей из ТС плохо справляются со своими воспитательными обязанностями, в частности с функцией моральной регламентации поведения членов семьи. На это указывал и эксперт по вопросам миграции:

Статистика показывает, что женщины, которые едут на заработки, это в основном женщины репродуктивного возраста. Большинство из них оставляют дома если и не совсем маленьких детей, то по крайней мере подростков, т. е. в том возрасте, когда им больше всего нужно, чтобы рядом были родители. Это подтверждают письма детей, о которых я вам говорила. Понимаете, те, кто согласился принять участие в конкурсе⁷, ведь это наиболее талантливые дети. Но они описывают и жизнь своих сверстников — что с ними происходит, когда у них есть деньги, но рядом нет родителей. Это и наркотики, и алкоголизм, и другие дурные привычки [63].

⁶ По данным Министерства внутренних дел, каждый десятый несовершеннолетний преступник в Украине — из семьи мигрантов [26].

⁷ Вышеупомянутый конкурс писем детей украинских мигрантов, организованный Фондом «Открой Украину» в 2008 г. (см. [9]).

Следовательно, в условиях раздельного проживания детей и родителей функция воспитания и первичного социального контроля в ТС серьезно подрывается. Во многих случаях транснационализм, образно говоря, играет роль «социально-экономического яда» для детей мигрантов, разъедающего их незрелые юные души.

Рекреационная и защитная функции

Эта функция предполагает, что семья служит источником жизненной энергии для ее членов, обеспечивая их физическое, эмоциональное, духовное и интеллектуальное здоровье. В последнее время становится все более очевидным, что в условиях нарастающей разобщенности и имперсональности социальных отношений в обществе семья все чаще воспринимается украинцами как «тихая гавань», где можно найти психологическую поддержку и понимание и чья особая внутренняя синергия способствует преодолению внешних проблем [56, с. 20]. Однако к ТС это вряд ли применимо, особенно если на заработки уезжает мать, поскольку в таких семьях «миграция приводит к домашней сумятице, с которой большинство мужчин и детей не в состоянии справиться» [53, с. 5]. Обеспечение безопасности и организация досуга членов семьи в таких условиях становятся проблематичными.

Если в традиционной семье досуг «продуцируется семьей и на ней сфокусирован» [55, с. 325], то в ТС его организация различна для тех, кто работает за границей, и тех, кто остается дома. Как отмечалось, родственники заробитчан располагают большими материальными возможностями для рекреации, чем другие семьи того же социального статуса. Семьи мигрантов имеют лучшие жилищные и бытовые условия, доступ к более качественному здравоохранению, средствам коммуникации и культурному капиталу.

Что касается самих мигрантов, многие из них признают, что миграция позволила им увидеть мир, познакомиться с достопримечательностями принимающих стран, приобрести культурный капитал [30]. Одна респондентка, работавшая в Германии, отметила, что на нее произвело впечатление умение немцев креативно организовывать семейный досуг, и, вернувшись домой, она пытается использовать этот опыт уже по отношению к своим близким. Информант, работающий в Испании, также рассказал об овладении новыми способами семейного отдыха, открыв для себя особенности рыбалки «по-испански», которая со временем стала увлечением для всех его домашних [30].

Однако такие благоприятные условия для досуга и отдыха во время работы за рубежом имеют не все гастарбайтеры. Социологические опросы показывают, что многие из них не склонны тратить свои заработки на развлечения, поскольку их основная цель — денежные

сбережения, необходимые для поддержки семьи в Украине [21]. По той же причине их жилищные условия часто не соответствуют элементарным бытовым нормам: мигранты предпочитают наиболее дешевое жилье. Многие из них не имеют отдельного жилья — проживают в неблагоустроенных гетто, предназначенных специально для мигрантов, или в домах работодателей, как большинство женщин-сиделок. Отметим, что многие из них никогда не имели качественного жилья в Украине⁸ и поэтому склонны позитивно оценивать самые неблагоприятные условия проживания [32, с. 44]. Так, в 2007 г. в британских СМИ появилось сообщение об украинском мигранте, найденном мертвым в подвале лондонского ресторана, где он работал и жил в нечеловеческих условиях, чтобы не платить за жилье.

Некоторые заробитчане, особенно сезонные рабочие или нелегалы, отмечают, что практически не имеют возможностей для досуга. Живя в закрытых мигрантских анклавах и работая по 14–20 часов в сутки, они отдают работе все свое время и силы. Даже когда свободное время появляется, они либо не имеют сил для культурного отдыха, либо предпочитают оставаться дома, опасаясь столкновений с полицией. Это следует из рассказа мужчины, долго скитавшегося в поисках работы по разным странам Европы:

Сестра мне пишет: ну как там, в Испании, понравилось? Где ты уже побывал, что видел? А что я видел? Ничего я не видел и не мог видеть. Я света белого не видел, не то что какие-то там места интересные смотреть. В четыре утра подъем, перехватил что-то на завтрак на скорую руку — и в поле, а туда нужно еще дойти. На обед полчаса, и так до поздней ночи. А когда в барак возвращаешься — ноги отваливаются. Сил хватает только чтобы до кровати добраться. Какие тут достопримечательности?! А они там, дома, думают, что мы тут по музеям да театрам ходим! [30].

Наконец, очевидно, что рекреативная и защитная функции предполагают возможность для членов семьи как малой социальной группы совместно проводить свободное время с целью удовлетворения потребностей в общении, эмоциональной поддержке и заботе, своевременном совете и помощи. Однако большинство украинских гастарбайтеров работают за рубежом без семей⁹, которые чаще всего

⁸ По данным общенационального опроса 2012 г., более 40% респондентов не имеют дома горячей воды, почти 30% — канализации [33, с. 585].

⁹ Возможности для осуществления миграционных траекторий типа «совместная супружеская миграция» (joint conjugal migration) и «классическое воссоединение» (classical reunification) ограничены, так как трудовая миграция из Украины носит преимущественно нелегальный характер, и для этого нет официальных условий. Об этом свидетельствует исследование жизни украинских заробитчан в Португалии [69].

остаются в Украине или даже живут в третьих странах. В таких условиях совместный досуг становится невозможным.

Учитывая, что общение между членами ТС осуществляется главным образом посредством информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), выполнение защитной функции также практически нереально, особенно если требуется оперативная помощь или поддержка членов семьи. Кроме того, общение по ИКТ вряд ли может компенсировать малолетним, старикам, больным, или тем членам семьи, кто оказался в критической ситуации, отсутствие рядом родного человека, готового в нужный момент оказать срочную помощь. Тем более это не может обеспечить детям и подросткам защиту, повседневный контроль, эмоциональную поддержку и своевременный совет, в которых они так нуждаются в этом возрасте, особенно если живут без обоих родителей.

Следовательно, рекреационная и защитная функции ТС не могут выполняться ею в полной мере по объективным причинам. Выражаясь фигурально, для данного аспекта жизни ТС миграционность производит эффект «социального витамина», который может поднять тонус семейного организма, но не способен излечить его от недугов, вызывающих миграцию.

Выводы и заключение

Модернизация современных семейных отношений зиждется на парадоксе — «гиперлиберальный индивид не является подобием свободного электрона, а скорее представляет собой убежденного фамиллиста» [59, с. 150]. Индивидуализм эпохи «текучей модерности» заставляет людей разрывать традиционные связи, но при этом, как предвидел Алексис Токвиль, не вынуждает жить в атомизированном одиночестве, а скорее стимулирует укреплять узы в интимном кругу семьи и друзей [43]. Несмотря на утверждения о кризисе семьи, в обществе наблюдается возрастающая потребность в семейных отношениях на фоне расширения их многообразия. Это связано с тем, что сохраняется необходимость в реализации семьей ее функций, которые не может взять на себя никакой другой социальный институт. В этих условиях ТС позиционируется как модернизированный тип семейных отношений, дополняющий разнообразие форм организации современной семьи [41] и подтверждающий тезис об изменении «семейных конфигураций» [70] в результате миграции.

Результаты проведенного исследования согласуются с этим утверждением, свидетельствуя о том, что украинская ТС представляет собой модернизированную модель семейной организации как новейший социальный институт, обусловленный возрастающей экономической мобильностью населения в результате глобализации, урбанизации, экономической реструктуризации и распространения новейших ИКТ и транспортных технологий.

В то же время данное исследование подтвердило и то, что социально-психологические последствия массовой миграции в Украине проявляются прежде всего в ослаблении семейных и брачных институтов, которые в первую очередь отвечают за социальное здоровье общества, поскольку «по правилам игры, задаваемым миграцией, они не в состоянии выполнять свои социальные функции» [18, с. 122]. С этим согласны и сами мигранты. По результатам соцопросов, 85,7% из них подтверждают, что «семьи разделились из-за миграции», и 88% — что «детям тяжело расти без родителей рядом, если один или оба родителя находятся за границей» [11].

Хотя украинские ТС являются порождением информационного общества и пользуются преимуществами новых ИКТ для поддержания семейных отношений в условиях больших расстояний [63], это не гарантирует им полноценных возможностей для качественного выполнения основных функций. Проведенное исследование свидетельствует о том, что выполнение таких функций ТС, как прокреативно-репродуктивная, рекреационная и защитная, воспитательная, социализационная и функция первичного контроля, осложняется в условиях географической дисперсии ее членов. Даже выполнение хозяйственно-экономической функции, которое является основной причиной миграции и считается наиболее успешным в ТС, проблематично по причине ослабления организационно-хозяйственного механизма семейной экономики мигрантов. Как было показано в данной работе, трудовая миграция производит эффект «социального контрацептива» для транснациональных супружеских пар, «социально-экономического яда» для их детей, малоэффективного «социального витамина» и «экономического болеутоляющего и седативного средства» для транснационального семейного организма, не препятствующих развитию болезни и не способствующих выздоровлению.

Поэтому хотелось бы еще раз подчеркнуть мнение, высказанное ранее [62]: несмотря на то, что трудовая миграция иногда представляется действенным целебным средством от социально-экономических недугов переходного периода, в общем она скорее играет роль «плацебо», нежели «панацеи». Миграция хотя и может благотворно влиять на отдельные аспекты жизнедеятельности ТС (преимущественно материально-экономические), в целом оказывает дезинтеграционное влияние на ее функционирование как малой социальной группы. Этот эффект способствует «регрессивной модернизации» [36] как самой транснациональной семьи, так и украинского общества в целом. Следовательно, трудовую миграцию нельзя рассматривать в качестве «панацеи» для выживания семьи в условиях социально-экономического кризиса, поскольку она лишь облегчает симптомы болезни, но не излечивает отсылающее общество от тех социально-экономических недугов, которые выталкивают людей из семьи на поиски лучшей жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абашиш С.* Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, трансционализм // *Этнографическое обозрение*. 2012. № 4. С. 3–13.
2. *Антонов А.И., Медков В.М.* Социология семьи. М.: Изд-во МГУ, 1996.
3. *Витковская Г., Панарин С.* Миграция и безопасность в России. М.: Интердиалект+, 2000 [электронный ресурс]. Дата обращения 01.03.2013. URL: <<http://www.antropotok.archipelag.ru/text/a066.htm>>.
4. *Виховний потенціал сім'ї в сучасних умовах / Керівн. авт. кол. А.М. Ноур, О.О. Яременко.* Київ: Державний комітет України у справах сім'ї та молоді, Державний інститут сім'ї та молоді, 2002.
5. *Глазунов С.В.* Соціологія сім'ї. Дніпропетровськ: РВВ ДДУ, 2000.
6. *Гідність без кордонів: виклики міграції (матеріали круглих столів) / Упорядники Г. Селещук, А. Окіс.* Львів: Комісіч «Справедливість і мир» УГКЦ, 2007.
7. *Голофаст В. Б.* Функции семьи // *Семья и личность*. М., 1974. С. 57–68.
8. *Діти й молодь, які живуть й працюють на вулиці: приховане обличчя епідемії ВІЛ в Україні / А. Тельчик.* Київ: ЮНІСЕФ, МБФ «СНІД Фонд Схід-Захід», 2006.
9. *Діти емігрантів про себе. Сповіді. Думки. Судження... Біль.* / Заг. ред. та упорядкування І. Калинець, Н. Гумницька. Львів: Видавничий відділ «Артос» фундації «Андрей», 2008.
10. *Зовнішні трудові міграції населення України / За ред. Е.М. Лібанової, О.В. Позняка.* Київ: РВПС України НАН України, 2002.
11. *Иващенко-Стадник Е.* Вечное возвращение: современные проблемы социальной реинтеграции украинских трудовых мигрантов, прибывающих из ЕС в Украину (по результатам социологических исследований). CARIM-East RR 2013/05, Robert Schuman Centre for Advanced Studies, San Domenico di Fiesole (FI): European University Institute, 2013.
12. *«Італійський синдром» відіб'ється на дітях заробітчанин // Новини Тернопілля.* 11.01.2007 [электронный ресурс]. Дата обращения 02.03.2013. URL: <<http://20minut.ua/news/74890>>.
13. *Кудрик Н.* Україна — Італія. Діалог на відстані // *Радіо Свобода*. Рим, 07.08.2007 [электронный ресурс]. Дата обращения 02.03.2013. URL: <<http://radiosvoboda.org>>.
14. *Кирчів А.* Трудова міграція і національна безпека України // *Журнал «І»* Львів, 07.10.2004. [электронный ресурс]. Дата обращения 01.03.2013. URL: <<http://www.ji-magazine.lviv.ua/kordon/migration/2004/kyrchiv07-10.htm>>.
15. *Лялюгене И.Ю., Рупиене Л.А.* Влияние трудовой миграции родителей на социализацию подростков // *Социологические исследования*. 2008. № 1. С. 65–69.
16. *Майданик І.П.* Українська молодь на ринках праці зарубіжних держав. Київ: Ін-т демографії та соціальних досліджень ім. М.В. Птухи НАН України, 2010.
17. *Мацковский М.С.* Социология семьи: проблемы теории, методологии и методики. М.: Наука, 1989.

18. *Ніколаєвський В.* Інтелектуальна міграція та соціальна безпека // Міграція та толерантність в Україні. Київ: Стилос, 2007. С. 121–126.
19. На роздоріжжі. Аналітичні матеріали комплексного дослідження процесів української трудової міграції (країни Європейського Союзу та Російська Федерація) / Ред. І. Марков. Львів: Карітас України, 2009.
20. Населення України. Трудова еміграція в Україні / Відп. ред. Е.М. Лібанова. Київ: Ін-т демографії та соціальних досліджень ім. М.В. Птухи НАН України, 2010.
21. Особливості зовнішньої трудової міграції молоді в сучасних умовах / Керівн. авт. кол. О.М. Балакірєва, О.О. Яременко, О.Г. Левцун. Київ: Державний інститут сім'ї та молоді, 2004.
22. Парламентські слухання. Рівні права та можливості в Україні: реалії та перспективи. Рекомендації. Київ, 2006 [неопублікований доповідь].
23. *Прибыткова И.* Трудовые мигранты в социальной иерархии украинского общества: статусные позиции, ценности, жизненные стратегии, стиль и образ жизни // Социология: теория, методы, маркетинг. 2003. № 1. С. 109–124.
24. Причини та наслідки роботи українських жінок в Італії. Доповідь. Львів: Жіночі перспективи, 2003 [неопублікований доповідь].
25. Проблеми дітей трудових мігрантів: аналіз ситуації / Заг. ред. К. Левченко. Київ: «Ла Страда-Україна», Український інститут соціальних досліджень ім. О. Яременка, 2006.
26. Рада ухвалила законопроект Фельдмана про подолання соціального сирітства // ProUA News. 12.05.2010 [електронний ресурс]. Дата звернення 04.03.2013. URL: < <http://ua.proua.com/news/2010/05/12/170008.html> >.
27. Социальные последствия эмиграции и сельско-городской миграции в Центральной и Восточной Европе. Резюме по Украине / Э. Либанова, Е. Малиновская. Европейская Комиссия, 2012.
28. Становище сімей в умовах малих міст України / Керівн. авт. кол. В.Г. Захарченко, Л.Є. Леонтьєва. Київ: Державний інститут проблем сім'ї та молоді, 2005.
29. *Толстокорова А.В.* «Мама моет раму в Риме»: Гендерные аспекты транснационального родительства в Украине // Журнал исследований социальной политики. Т. 10. № 3. 2012. С. 396–408.
30. *Толстокорова А.В.* Лучи света в темном царстве: социальные дивиденды мигрантов в гендерной перспективе // Этнографическое обозрение. 2013. № 5 (в печати).
31. *Малиновська О.* Трудова міграція: соціальні наслідки та шляхи реагування. Аналітична доповідь Київ: НІСД, 2011.
32. Українська трудова міграція до країн Європейського Союзу у дзеркалі соціології. Інформаційно-аналітичне видання / Ред. Н. Пахорменко, А. Стародуб. Київ: РАУСІ, 2005.
33. Українське суспільство 1992–2012. Стан та динаміка змін. Соціологічний моніторинг / За ред. В. Ворони та М. Шульги. Київ: Інститут соціології НАН України, 2012.

34. Європа без бар'єрів. Україно-іспанський міграційний вектор. Київ: ТОВ «Вістка», 2012.
35. УЦСР, Держкомстат. Зовнішня трудова міграція населення України. Київ: Український центр соціальних реформ, Державний комітет статистики України, 2009.
36. *Фурсов А.И.* Кого пустят под нож ради модернизации? // Русский обозреватель. 29.09.2010 [электронный ресурс] 2010. Дата обращения 12.03.2013. URL: <<http://www.rus-obr.ru/opinions/8010>>.
37. *Харчев А.Г.* Брак и семья в СССР. Опыт социологического исследования. М.: Мысль, 1964.
38. *Ядов В.А.* К вопросу о национальных особенностях модернизации российского общества // Официальный сайт ИС РАН [электронный ресурс] 2010. Дата обращения 12.03.2013. URL: <<http://www.isras.ru/publ.html?id=1736>>.
39. *Bauman Z.* Liquid modernity. Cambridge: Polity Press, 2000.
40. *Beck U., Beck-Gernsheim E.* The normal chaos of love. Cambridge: Polity Press, 1995.
41. *Bonizzoni P., Leonini L.* Shifting geographical configurations in migrant families: narratives of children reunited with their mothers in Italy // Comparative Population Studies, 2013 (forthcoming) [online]. Date of access 11.03.2013. URL: <<http://www.academia.edu/1591839/>>.
42. *Bryceson D., Vuorela U.* Transnational families in the twenty-first century // The Transnational Family. New European Frontiers and Global Network / Ed. by D. Bryceson, U. Vuorela. Oxford & New York: Berg Publishers Ltd, 2002. P. 3–30.
43. *Casalini B.* Justice and the family in a transnational perspective. Paper delivered at the Conference «Ethics and Migration», 49th Societas Ethica Annual Conference, Lucian Blaga University, Sibiu, Romania, August 23–26, 2012.
44. *Cassidy K.L.* Gender relations and cross-border small trading in the Ukrainian-Romanian borderlands // European Urban and Regional Studies. Vol. 20. No. 1. 2013. P. 3–13.
45. *Düvell F.* Ukraine — Europe's Mexico? Central and East European migration. Country report 1. Centre of Migration, Policy and Society, June 2007. [online]. Date of access 01.02.2013. URL: <<http://www.compas.ox.ac.uk/>>.
46. *Erel U.* Migrant women transforming citizenship: Life-stories from Britain and Germany. Farnham: Ashgate Publishing Company, 2012.
47. *Giddens A.* The transformation of intimacy: Sexuality, love and eroticism in modern societies. Stanford, CA: Stanford University Press, 1992.
48. *Howell S.* Imagined kin, place and community: Some paradoxes in the transnational movement of children in adoption // Holding worlds together: Ethnographies of knowing and belonging / Ed. by M. Lien, M. Melhuus. New York: Berghahn, 2007.
49. *Iglicka K., Gmaj K., Borodzicz-Smoliński W.* Circular migration patterns. Migration between Ukraine and Poland. METOIKOS Project. Florence: European University Institute, 2011.
50. *Kambouri N., Zavos A.* Gender, migration and intercultural interactions in the

- Mediterranean and South-East Europe. Final Synthesis Report. Ge. M.I.C. Panteion University (UPSPS), Greece, 2011.
51. *Kaurinkoski K.* Gendered migration patterns and experiences of Ukrainian immigrants in Greece // Spotlights on Russian and Balkan Slavic Cultural History. Studies on Language and Culture in Central and Eastern Europe / Ed. by A. Ioannidou, C. Voss. Munich: Otto Sagner, 2009.
 52. *Le Gal J.* Familles transnationales: Bilan des recherches et nouvelles perspectives // Les Cahiers du Gres. Vol. 5. No. 1. 2005. P. 29–42.
 53. Left behind left out. The impact on children and families of mothers migrating for work abroad / Save the Children in Sri Lanka, (and) Kishali Pinto-Jayawardena. Shri Lanka: Save the Children, 2006.
 54. *Lük D.* Research note: Job mobilities and family lives in Europe // Cosmopolitanities Newsletter. Vol. 4. Issue 1. 2009.
 55. *Martin G.T.* Family, gender, and social policy // The sociology of gender. A text reader / Ed. by L. Kramer. New York: St. Martin's Press. 1991. P. 323–345.
 56. United Nations Population Fund. Reproductive and sexual health of adolescents in Ukraine / Scientific ed. R. Moiseyenko. Kiev, 2004.
 57. Social impact of emigration and rural-urban migration in Central and Eastern Europe. Final country report on Ukraine / E. Libanova, O. Malinovska; European Commission, 2012.
 58. *Volynets L.S., Sichkar O.O.* Street children in Ukraine: Situational analysis. Kyiv: Ministry of Ukraine on Family, Children and Youth Affairs; Contemporary School Resource Education Centre, 2004.
 59. *Théry I.* Transformation de la famille et «solidarités familiales»: Question sur un concept // Repenser la solidarité / Dir. S. Paugam. Paris: PUF, 2007. P. 149–186.
 60. *Tolstokorova A.* Locally neglected, globally engaged: Ukrainian women on the move // Technologies of globalization. International conference proceedings / Ed. by R. Aderl, B. Arich-Gerz, R. Schmiede. Darmstadt: Technical University Darmstadt, 2008. P. 44–61.
 61. *Tolstokorova A.* Who cares for carers?: Feminization of labor migration from Ukraine and its impact on social welfare // International Issues & Slovak Foreign Policy Affairs. Vol. XVIII. No. 1. 2009. P. 62–84.
 62. *Tolstokorova A.* Costs and benefits of labour migration for Ukrainian transnational families: Connection or consumption? // Les cahiers de l'URMIS. Circulation migratoire et insertions économiques précaires en Europe. No. 12, juin. 2009. Date of access 01.03.2013. URL: <<http://urmis.revues.org/index868.html>>.
 63. *Tolstokorova A.* Where have all the mothers gone? The gendered effect of labour migration and transnationalism on the institution of parenthood in Ukraine // The Anthropology of East Europe Review (AEER), “Gender in Postsocialist Eastern Europe and the former Soviet Union”. Vol. 28. No. 1. 2010. P. 184–214.
 64. *Tolstokorova A.* Of women's bondage: Socio-economic effects of labour mi-

- gration on the situation of Ukrainian women and family // *Acta Universitatis Sapientiae*. Vol. 2. No. 1: Social Analysis. 2012. P. 9–29.
65. *Tolstokorova A.* One way ticket?: International labour mobility of Ukrainian women // *New Mobilities Regimes in Art and Social Sciences* / Ed. by S. Witzgall, G. Vogl, S. Kesselring. Burlington: Ashgate Publishing Ltd, 2013. P. 91–100.
 66. Transnational families and the impact of economic migration on families. Brussels: COFACE, 2012.
 67. Ukrainians improving demographics in Portugal // *Ukraine Business Online*. 12.07.2011 [online]. Date of access 25.03.2013. URL: <<http://www.ukrainebusiness.com.ua/news/2968.html>>.
 68. *Urry J.* Sociology beyond societies. Mobilities for twenty-first century. London: Routledge, 2000.
 69. *Wall K., Nunes C., Matias A.R.* Female migration vision. Immigrant women in Portugal: Migration trajectories, main problems and policies. Research in progress (preliminary report). Lisbon: Instituto de Ciencias Sociais, 2005.
 70. *Widmer E.* Family configurations: A structural approach to family diversity. London: Ashgate Publishing Company, 2010.
 71. *Zaretsky E.* Capitalism, the family, and personal life. New York: Harper Colophon Books, 1976.